

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

ВОЗРОЖДЕНИЕ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ

Андрей Ланьков

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

**ВОЗРОЖДЕНИЕ
РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ
В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ**

Андрей Ланьков

Данный выпуск «Рабочих материалов» подготовлен Московским Центром Карнеги — представительством Фонда Карнеги за Международный Мир (США), являющегося некоммерческой неправительственной исследовательской организацией.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Никакая часть данной публикации не подлежит использованию кем-либо в какой бы то ни было форме, в том числе воспроизведению, распространению, переработке иначе как с письменного разрешения Московского Центра Карнеги или Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы, пожалуйста, направляйте в Московский Центр Карнеги.

Россия, 125009, Москва,
Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935 8904
Факс: +7 (495) 935 8906
info@Carnegie.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта
<http://www.carnegie.ru>.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2015

Содержание

Об авторе	v
Краткое содержание	1
Введение	3
Тихая кончина северокорейского госсocialизма	3
В борьбе за выживание	5
Рождение частного бизнеса	7
Бизнес и государство	10
Жить стало лучше, жить стало веселее	12
Примечания	15
Московский Центр Карнеги	17

Об авторе

Андрей Ланьков — историк, кореевед, преподаватель Университета Кукмин (Сеул).

Краткое содержание

О Северной Корее часто говорят как о последнем сталинистском государстве в мире. Ее риторика, может быть, действительно сталинистская, однако в экономике, по крайней мере с конца 1990-х годов, рыночные силы играют большую роль. Стихийный рост рыночных отношений стал большим вкладом в медленное, но устойчивое восстановление экономики страны после глубоких внешних потрясений 1990-х годов.

Особенности частной экономики в Северной Корее

- Вопреки распространенным представлениям в КНДР с конца 1990-х годов большую роль играет частный сектор, причем в течение времени его значение и размеры быстро растут.
- Размеры северокорейской частной экономики не представляется возможным оценить с какой-либо степенью надежности, но по существующим оценкам в частном секторе сейчас производится от 30% до 50% ВВП.
- Правительство неоднозначно относится к частной экономике, но обычно воспринимает ее как неизбежное зло, хотя и не готово по политическим причинам полностью легализовать частный сектор.
- Правительство Ким Чен Ына относится к частной экономике более терпимо, чем его предшественники.
- Наибольшее распространение частный капитал получил в сфере обслуживания, транспорта и рыболовства.
- Грань между государственными и частными предприятиями в последние годы быстро стирается.
- Деятельность частного сектора внесла заметный вклад в улучшение экономического положения КНДР, наблюдаемое в последние годы.
- Рост частного сектора привел к резкому увеличению имущественного неравенства.

Основные выводы и прогнозы

- Правительство Ким Чен Ына, начавшее осторожные экономические реформы, в ближайшее время будет продолжать поддержку частного сектора.
- При этом легализация частного сектора маловероятна. Скорее всего его по-прежнему будут замалчивать или по возможности маскировать под государственный сектор.
- Рост частного сектора вносит определенный вклад в либерализацию политической ситуации, хотя новая северокорейская буржуазия тесно связана с существующим режимом и в своем большинстве не стремится к его смене.

Введение

Когда речь заходит о современной Северной Корее, одним из самых распространенных стереотипов является утверждение, что КНДР остается единственной коммунистической (варианты: «сталинистской», «социалистической») страной нашей планеты. Однако это представление существенно устарело.

Хотя северокорейская экономическая статистика была почти полностью засекречена еще в начале 1960-х годов, имеющиеся оценки заставляют предполагать, что доля частного сектора в корейском ВВП сейчас составляет от 30% до 50%¹.

Фактически на протяжении последних 20—25 лет произошла радикальная трансформация северокорейской экономики. Ныне экономика КНДР может быть описана как малоразвитая, но рыночная, с большой долей государственного вмешательства и с очень сильным, но непоследовательным государственным регулированием. Перемены эти остались в общем неизвестными широким кругам интересующейся КНДР мировой общественности, хотя специалисты знают о них довольно хорошо.

Тихая кончина северокорейского госсоциализма

Одним из парадоксов северокорейской экономики в ее старом варианте, существовавшем примерно до 1990 г., была крайне высокая зависимость от прямой и косвенной помощи, которую на протяжении десятилетий предоставляли КНДР Советский Союз, Китай и некоторые другие социалистические страны. Парадоксальной эту зависимость следует считать потому, что власти КНДР и северокорейская пропаганда с начала 1960-х годов открыто не признавали сам факт существования такой помощи. О советской помощи в официальной печати либо не говорилось вовсе, либо упоминалось мимоходом. Официальная пропаганда с начала 1960-х и до конца 1980-х годов постоянно подчеркивала, что в основе северокорейского экономического развития лежит верность принципу «опоры на собственные силы».

Однако события начала 1990-х годов с полной ясностью продемонстрировали, что принцип этот был полной фикцией (впрочем, немногочисленные советские специалисты по северокорейской экономике таким поворотом событий нисколько не были удивлены). Зависимость северокорейской экономики от внешней помощи оказалась колоссальной, что стало ясно после того, как эта помощь внезапно прекратилось.

Советский Союз на протяжении десятилетий поддерживал КНДР из геополитических соображений, хотя особой симпатии к Пхеньяну во времена Леонида Брежнева у Москвы не было. Однако в начале 1990-х годов положение радикальным образом изменилось, и в Москве решили, что в новой международной ситуации больше нет смысла тратить деньги на достаточно капризного и ненадежного полусоюзника. Вдобавок в условиях перехода к рынку старые механизмы субсидирования и внешней помощи оказались неэффективными. В новой ситуации российские внешнеторговые организации и фирмы стали требовать, чтобы северокорейские партнеры оплачивали закупки по мировым ценам. Китай занял в отношении КНДР несколько менее жесткую, но в целом похожую позицию.

Результатом стало резкое снижение товарооборота, ведь торговля СССР с КНДР на протяжении десятилетий была заведомо неравноправной: Советский Союз субсидировал те советские организации, которые вели торговлю с КНДР, и получал в обмен на экономическую помощь те или иные геополитические преимущества (иногда вполне реальные, а иногда воображаемые). К 1993 г. объем торговли снизился в 10 раз по сравнению со среднегодовым уровнем 1985—1990 гг.²

Результатом внезапного прекращения советской и китайской помощи стал тяжелейший экономический кризис. К тому времени экономика КНДР, которая к началу 1940-х годов являлась самой развитой страной Восточной Азии за пределами Японии, находилась уже в непростом положении, но произошедшее с ней в 1990-е годы иначе как катастрофой назвать нельзя. Поскольку экономическая статистика в КНДР не публикуется с 1960—1965 гг., размеры этой катастрофы невозможно оценить со сколько-нибудь приемлемой точностью, однако специалисты Банка Кореи (южнокорейского Центробанка) считают, что в 1998 г. ВВП КНДР составил лишь 60% от уровня 1990 г. Экономический рост возобновился только около 2000 г.³

Особый удар при этом был нанесен по сельскому хозяйству. Северокорейское экономическое руководство всегда стремилось к самообеспечению продовольствием, пусть и на уровне, близком к физическому выживанию. Уровень этот всегда был очень скромным: в предкризисные времена мясо простому населению выдавали три-пять раз в год по полкилограмма на человека, но по крайней мере зерновые пайки обеспечивали население необходимым минимумом калорий. Стремясь к самообеспечению, руководство КНДР сделало ставку на активное использование

минеральных удобрений и создание сложных ирригационных систем, приводившихся в действие электрическими насосами. Парадокс ситуации заключался в том, что подобное самообеспечение было ложным: функционирование такой системы было возможно только постольку, поскольку СССР был готов снабжать КНДР дешевой нефтью и запчастями. Экономический кризис и прекращение советской помощи привели к остановке химических заводов, на которых производились удобрения, а также к кризису в производстве электроэнергии. В результате объем сельскохозяйственного производства резко сократился.

Чтобы избежать голода, КНДР должна ежегодно производить 5,2—5,5 млн т зерна. В 1996 г. под влиянием развала сельского хозяйства, который был усугублен катастрофическими наводнениями, производство зерна упало до 2,5—3 млн т. В стране начался голод, который был преодолен только к 2000 г.⁴

В мировых СМИ часто встречаются данные о том, что во времена голода в КНДР умерло «два-три миллиона человек». Эти утверждения, разумеется, являются сильным преувеличением. Современные оценки размера голода дают основания считать, что реальные потери тогда составляли от 500 до 700 тыс. человек⁵. Тем не менее для страны с населением 25 млн это огромная цифра. Северокорейский голод 1996—1999 гг. стал крупнейшей гуманитарной катастрофой в Восточной Азии со времен китайского голода начала 1960-х, который был спровоцирован пресловутой «политикой большого скачка».

В борьбе за выживание

В результате голода перестала функционировать карточная система, которая на протяжении десятилетий обеспечивала жителей КНДР продовольствием и базовыми предметами широкого потребления. В отличие от большинства стран Восточной Европы в КНДР карточная система воспринималась как норма. Два раза в месяц корейская домохозяйка отправлялась на распределительный пункт, где получала зерновое довольствие на всех членов семьи. Распределение овощей и товаров первой необходимости также происходило по карточкам, хотя они отоваривались в магазинах. Даже сейчас значительная часть жителей КНДР с грустью вспоминает времена, когда правительство выдавало карточки, по которым за чисто символическую цену можно было получить зерновые пайки. С середины 1990-х годов выдача этих пайков практически прекратилась⁶.

Остановилось и большинство предприятий. Правда, северокорейское правительство требовало, чтобы люди ходили на работу, даже если никакой производственной деятельности на предприятиях не наблюдалось. Официальное объяснение — необходимость «защищать социалистическое имущество» и «быть готовыми к возобновлению про-

изводства после преодоления кризиса». На практике это, как можно предположить, было связано с необходимостью держать население под контролем и избегать возникновения политических проблем. Впрочем, обязательность посещения рабочих мест не относилась к женщинам: любая замужняя кореянка могла зарегистрироваться как домохозяйка, что давало ей право не появляться на работе и отчасти выводило из-под контроля государства.

Именно женщины стали пионерами новой северокорейской рыночной экономики, которая стала быстро формироваться в начале 1990-х годов. В те времена ситуация в КНДР во многом напоминала начало «лихих девяностых» в постсоветской России, только в преувеличенных и гротескных формах. Рабочие стали выносить с заводов все, что имело хоть какую-нибудь ценность, и продавать (поначалу просто обменивать) добытые таким образом предметы, приобретая продовольствие. Женщины занялись разнообразной торговлей, а также ремесленным производством на дому. В центрах городов появились и стали стремительно расти рынки⁷.

В деревнях и небольших городках едва ли не главным занятием большинства населения стала работа на нелегальных частных полях, притом что в отличие от большинства социалистических стран в КНДР приусадебные участки были практически запрещены (их размер ограничивался 100 кв. м). Поэтому частные поля устраивались нелегально на крутых склонах гор, которые с официальной точки зрения считались негодными для ведения сельского хозяйства. Это, конечно, не мешало частникам получать там урожаи, которые в полтора-два раза превосходили собираемые на полях сельхозкооперативов. Разумеется, местным властям это было известно, ибо подобные «самостоятельные» поля бросаются в глаза за много километров. Однако никаких мер власти не предпринимали — отчасти потому, что надзиравшие за природопользованием чиновники сами остались без пайков и могли выживать только в том случае, если были готовы брать взятки, а отчасти потому, что многие северокорейские чиновники симпатизировали жителям голодавших городов и поселков⁸.

В приграничных районах стала активно расти контрабанда. Речь идет, конечно, о границе с Китаем, ибо граница КНДР с Россией слишком коротка (14 км против примерно 1300 км границы с Китаем), а граница с Южной Кореей тщательно охраняется и остается непроницаемой. В Китай поставлялись лекарственные растения и морепродукты, а в обмен ввозились продукты питания и ширпотреб. Появилась и стала расти крайне прибыльная и очень опасная торговля наркотиками и предметами антиквариата.

Наконец, большое распространение получило отходничество: жители КНДР нелегально уходили в Китай и работали там, занимаясь тяжелым малооплачиваемым трудом и зарабатывая себе таким образом на пропитание. В начале 2000-х годов в Китае находилось около 100—200 тыс.

таких нелегалов-гастарбайтеров (впоследствии, после 2005—2006 гг., их количество заметно снизилось)⁹.

Рождение частного бизнеса

Параллельно с этим в конце 1990-х годов в КНДР возникли и стали быстро расти другие формы частного бизнеса. В частности, тогда открылись меняльные конторы — благо в КНДР и в более ранние времена по меркам социалистических стран крайне либерально относились к хождению валюты и ее частному обмену. Эти конторы занимались не только обменом валюты, но и иными денежными операциями, в том числе выдачей денег в кредит (под огромные проценты).

Деятельность неофициальных торговцев, которые со своими товарами много путешествовали по стране, была бы невозможна без существования частных гостиниц. Появилась и проституция, которую в КНДР удалось ликвидировать еще в 1950-е годы. Открылись частные библиотеки, где за плату можно на несколько дней получить интересную книгу, отсутствующую в библиотеке государственной. Расцвело репетиторство — богатые семьи стали тратить заметные деньги на обучение детей¹⁰.

С формальной точки зрения практически все описанные виды частной экономической деятельности оставались — и поныне остаются — незаконными. Достаточно сказать, что по введенным еще в 1960-е годы правилам житель КНДР, собираясь в поездку (даже краткосрочную) за пределы города или уезда, в котором официально прописан, должен заранее получать разрешение у местных органов внутренних дел. При этом перед подачей заявления в полицию полагается заручиться письменным согласием как начальства на работе, так и представителей администрации по месту жительства. Северокорейское законодательство требует от граждан регистрировать знакомых и родственников, остающихся у них на ночь, даже если они прописаны в том же городе¹¹.

Конечно, последовательное соблюдение указанных правил сделало бы невозможным любой рост частного бизнеса. Однако на практике все эти обременительные ограничения перестали соблюдаться с началом кризиса, ибо низовое чиновничество само испытывало нужду, во многих случаях голодало и было вполне готово за соответствующую мзду закрыть глаза на нарушение правил, в которые сами чиновники не верили. Результатом стал рост коррупции, которая до начала 1990-х годов в КНДР почти отсутствовала.

При этом напрямую заниматься бизнесом чиновникам запрещено, и это один из немногих запретов, которые соблюдаются в КНДР достаточно последовательно. Впрочем, его можно обходить, и руководители крупных частных предприятий часто ведут себя как бизнесмены, находя многочисленные способы не только присвоить часть доходов предпри-

ятия, но и использовать эти доходы в целях дальнейшего развития производства. Если же говорить о многочисленных чиновниках и силовиках низшего звена, то в их семьях частным бизнесом обычно занимаются жены, максимально используя при этом политические и административные возможности мужей.

Хотя северокорейский частный бизнес начался с мелкой торговли, с течением времени стали появляться и более крупные частные предприятия. К началу 2000-х годов некоторые из наиболее удачливых деятелей черного рынка (лучше называть его серым рынком, ибо государство относилось к его существованию терпимо) сосредоточили в своих руках значительные средства, зачастую измеряемые многими десятками тысяч долларов. Если учесть, что официальная зарплата к 2000 г. составляла 1—2 долл. по рыночному курсу, а реальный доход семьи — 25—30 долл. в месяц, то такие суммы по северокорейским меркам весьма и весьма значительны. Их владельцы приступили к поиску возможных способов инвестировать эти деньги в экономику с целью получения прибыли. Результатом стало возникновение частных предприятий довольно большого масштаба с десятками рабочих.

Порой частные производства представляли собой мастерские, напоминавшие мануфактуры Европы накануне промышленной революции. В них нанятые владельцами работники (чаще работницы) изготавливали одежду и обувь, сигареты (их потом укладывали в китайские упаковки и продавали как «настоящие китайские»), простейшие предметы ширпотреба.

Стали появляться и частные столовые и рестораны. Государственный общепит практически прекратил существование в 1996—1998 гг., и в настоящее время только несколько ресторанов остаются государственными. На смену ему очень быстро пришел общепит частный. При этом, разумеется, получить официальное разрешение на открытие точки общественного питания в КНДР невозможно. На практике инвестор, решивший открыть такое заведение, обращается в местную администрацию и заключает с ней полуофициальное соглашение, в соответствии с которым власти якобы открывают государственную столовую, формально регистрируемую как государственное предприятие. В большинстве случаев инвестор назначается директором этой столовой. Затем хозяйка (как правило, ресторанным бизнесом занимаются женщины, которые вообще играют большую роль в северокорейской частной экономике) нанимает персонал, покупает оборудование, ремонтирует полученное помещение и начинает работать. Определенную часть выручки она должна официально сдавать государству, и по бумагам эта выручка проходит как прибыль государственного предприятия, поступающая в бюджет. Кроме того, она доплачивает определенную сумму местной администрации и контролирующим инстанциям, гарантируя таким образом свое спокойствие.

Подобная схема, основанная на создании псевдогосударственного предприятия, применяется не только в ресторанном бизнесе: такие предприятия существуют и в других отраслях экономики. В частности, в конце 1990-х годов в КНДР произошла фактическая приватизация междугородных автобусных и отчасти грузовых автомобильных перевозок. До этого почти единственным средством междугородного транспорта в КНДР служила железная дорога. Однако рост частной экономики и активная деятельность торговцев после 2000 г. привели к тому, что резко возросла потребность в транспортных средствах. Ее в основном удовлетворяют частные фирмы, которые действуют по той же модели псевдогосударственных предприятий.

Инвестор, договорившись с тем или иным государственным предприятием, учреждением или воинской частью, покупает подержанные грузовики или автобусы в Китае. Он делает это за свой счет, но от имени организации, с которой у него есть договоренность о предоставлении юридического прикрытия. Затем автотранспорт регистрируется в соответствующей организации и формально принимается там на баланс. За это в счет организации полагается делать регулярные выплаты, к которым добавляются и взятки ее руководству. Размер выплат сильно зависит от типа организации: зарегистрировать грузовик в воинской части или, скажем, местном управлении внутренних дел существенно дороже, чем, например, зарегистрировать его как собственность детского сада или фабрики по производству глиняных горшков.

Полученный и легализованный таким образом автотранспорт используется для перевозок пассажиров и грузов между северокорейскими городами. Любопытно, что в последнее время в КНДР стали появляться аналоги частных почтовых служб. Поскольку государственная почта не отличается ни скоростью, ни надежностью, многие частные компании, организующие рейсы автобусов и грузовиков между городами, за соответствующую плату доставляют посылки. Сейчас доставка не сопровождается частными грузами для многих частных транспортных фирм превратилась в главный источник дохода, который играет в их бюджете большую роль, чем обычные перевозки людей и сопровождаемых грузов¹².

В некоторых случаях псевдогосударственными могут быть и промышленные предприятия, например небольшие нефтеперерабатывающие заводы.

Другой формой, которая позволяет северокорейскому частному капиталу расти и крепнуть, стали внешнеторговые частные предприятия. Хотя формально в КНДР говорят о существовании монополии на внешнюю торговлю, на практике она исчезла уже с конца 1970-х годов. С того времени наиболее крупные предприятия и государственные учреждения в КНДР (в том числе и не имеющие никакого отношения к экономике, например отдел ЦК партии или Управление Корейской народной ар-

мии) получили право создавать собственные внешнеторговые организации. В конце 1990-х их количество существенно увеличилось.

Как правило, такие организации получают от центрального правительства лицензию на экспорт тех или иных товаров. Однако на практике вести торговую деятельность мелким фирмам весьма затруднительно, ибо в большинстве своем они не имеют доступа к реальным товарам. В былые времена вопрос можно было решить через связи, в рамках того, что иногда именуют «административным рынком». Но в наши дни получить доступ к этим товарам можно только за деньги, выплатив производителю адекватную сумму. Например, одной из самых заметных статей экспорта в КНДР на протяжении последних 20—25 лет являлись рыба и морепродукты (в последнее время, впрочем, их потеснило минеральное сырье, в первую очередь уголь). Рыболовные суда на практике в основном являются частными, хотя и зарегистрированы на имя тех или иных рыболовецких кооперативов. Даже имея лицензию на экспорт, скажем, минтая или кальмаров, представитель внешнеторговой фирмы должен сначала приобрести их у рыбаков. Для этого необходимы как связи, так и «живые деньги», которых у государственных структур нет.

Государственные организации выходят из положения, договариваясь с частными инвесторами, богатыми людьми, которых формально принимают на работу во внешнеторговую фирму, принадлежащую данной организации. Обычно эти инвесторы занимают второе или третье место в иерархии соответствующей внешнеторговой организации. Инвестор на свои деньги покупает товар или организует его производство, а затем товар продается в соответствии с лицензией в Китай либо иную страну (при этом при перепродаже обычно именно инвестор находит зарубежных покупателей). Полученная таким образом прибыль в соответствии с предварительной договоренностью делится между инвестором и внешнеторговой фирмой¹³.

Бизнес и государство

Конечно, возникает вопрос, как к подобной причудливой экономике относится северокорейское государство. Отношение это достаточно противоречиво.

До недавнего времени (примерно до 2012—2013 гг.) с официальной точки зрения никакой частной экономики в КНДР просто не существовало. Вся описанная выше деятельность была не только повсеместной, но и полностью незаконной. По этому поводу в частном разговоре с автором в 2010 г. российский дипломат заметил: «Пхеньянский средний класс сейчас чувствует себя очень неплохо: у них есть и квартиры, и возможность пообедать в хорошем ресторане, а в последнее время — и машины. Правда, есть у них одна проблема: теоретически любого из них можно

в любое время арестовать и поставить к стенке в полном соответствии с действующим законодательством».

В общем, это вполне здравая оценка ситуации, но на практике северокорейское правительство в последние 20—25 лет обычно смотрело на частную экономическую деятельность сквозь пальцы. Отчасти тут свою роль играла, конечно, коррупция, т. е. то обстоятельство, что частные предприниматели старались по возможности делиться с чиновниками, которым полагалось надзирать за ними. Однако определенную роль играет и характерное для нынешних северокорейских руководителей спокойно-циничное отношение к современным постулатам, равно как и осознание того факта, что без активной рыночной деятельности будет трудно обеспечивать функционирование экономики даже на нынешнем скромном уровне.

Впрочем, отношение северокорейского руководства к частному бизнесу все-таки с течением времени менялось. С начала 1990-х и до 2001 г. власти по большому счету игнорировали его существование. В большинстве случаев частная экономика воспринималась как неизбежное зло, с которым нельзя было ничего сделать в условиях жесточайшего экономического кризиса. В 2002—2003 гг. политика резко изменилась: власти предприняли ряд реформ, которые среди прочего должны были стимулировать частную экономику и отчасти вывести ее из теневого состояния.

Эти реформы были свернуты в 2004 г., и на протяжении 2005—2009 гг. власти предприняли ряд мер, направленных на подрыв частной экономики. В большинстве случаев, впрочем, они не прибегали к репрессиям, направленным против «новых северокорейцев», а ограничивались разнообразными административными запретами, которые обычно не удавалось провести в жизнь с необходимой последовательностью.

Кульминацией этих усилий стала денежная реформа 2009 г., которая, как рассчитывали ее организаторы, должна была подорвать финансовую базу частных предприятий, в большинстве своем пользующихся наличностью в деловых операциях. Однако реформа оказалась безрезультатной: частный бизнес понес лишь ограниченный урон, а недовольство населения, которое в одночасье лишилось накоплений, создало немалые политические проблемы.

Неудача денежной реформы стала важным поворотным пунктом. Стало ясно, что попытки повернуть ситуацию вспять закончились полным провалом, так что с 2010 г. северокорейское руководство вернулось к прежней политике благожелательного нейтралитета. При этом официально существование частного сектора не признается, в частности, писать о нем в официальной открытой печати не полагается. Однако на практике даже некоторые инструкции и подзаконные акты, выпущенные правительством, исходят из того, что частный сектор существует и активно взаимодействует с сектором государственным.

Подобный подход, кажется, стал еще заметнее с приходом к власти в декабре 2011 г. Ким Чен Ына, третьего правителя из династии Кимов. Показательным можно считать и то обстоятельство, что Ким Чен Ын назначил премьер-министром Пак Пон-чжу, т. е. человека, который играл решающую роль в предпринятых в 2002—2003 гг. (и быстро свернутых) попытках начать рыночные реформы. На некоторые ключевые экономические посты Ким Чен Ын также назначил людей, которые известны если не прорыночными настроениями, то по крайней мере тем, что неоднократно бывали за границей и неплохо (по стандартам северокорейского чиновничества) представляют, как функционирует современная мировая рыночная экономика.

Наконец, стало еще более заметно сращивание частной и государственной экономики, которое началось еще в 1990-е годы. Сейчас руководители государственных предприятий часто вступают в деловые контакты с частным сектором: продают полулегальным фирмам продукцию, покупают у них сырье и комплектующие, даже берут в долг деньги (получить кредит в банке практически невозможно).

Жить стало лучше, жить стало веселее

Рост частной экономики, равно как и изменения, произошедшие в государственном секторе и сельском хозяйстве, привели к тому, что экономика КНДР на протяжении последних 10 лет оправилась от шока 1990-х годов. Притом что КНДР остается очень бедной страной, в последние годы там наблюдается стабильный экономический рост. Масштабы этого роста оценивают по-разному: пессимисты говорят о росте на уровне примерно 1,5% в год, а оптимисты считают, что он существенно больше и может достигать 4—5%.

В любом случае вопреки распространенному в России мнению КНДР более не является голодающей страной. Весной значительная часть (возможно, большинство) населения недоедает, а мясо, рыба и даже чистый рис для большинства людей остаются деликатесами (в качестве повседневной пищи используется не вареный рис, а вареная кукуруза), но признаки улучшения материального положения хорошо заметны везде, в том числе в столице страны Пхеньяне.

Характерным показателем этого роста стало увеличение цен на недвижимость. Хотя официально в КНДР частное владение жильем запрещено, на практике этот запрет перестал соблюдаться примерно с 2000 г., и сейчас существует неофициальный, но достаточно активный рынок жилья, в том числе первичного (застройщики продают квартиры в новых зданиях). При этом формально речь идет не о праве собственности, а лишь о праве на проживание, а финансовый аспект сделок не фиксируется вообще. Цены на квартиры в Пхеньяне выросли за десятилетие

в 5—10 раз. Сейчас элитное жилье в городе стоит до 150—180 тыс. долл., хорошую квартиру можно купить за 70—80 тыс. В провинции цены существенно ниже: в приграничном Мусане, процветающем (по меркам КНДР) уездном центре, цены на жилье составляют от нескольких тысяч до 15 тыс. долл. Тем не менее рост цен наблюдается и там¹⁴.

Во многом дороговизна жилья вызвана тем обстоятельством, что для частного сектора в условиях практического отсутствия банковской системы вложения в недвижимость являются едва ли не единственным способом сделать и сохранить накопления. Однако, с другой стороны, и нынешний уровень цен, и темпы их роста показывают, насколько динамична официально не существующая северокорейская рыночная экономика.

Впрочем, рост частного бизнеса отразился не только на рынке недвижимости. В последнее время в КНДР началось резкое имущественное расслоение, проявлением чего стало возникновение в Пхеньяне и некоторых других крупных городах предприятий, направленных на обслуживание элитной клиентуры. В столице немало дорогих ресторанов, стали активно строиться разного рода развлекательные учреждения, на улицах заметно больше машин, многие из которых являются формально или фактически частными. Частное владение автотранспортом в КНДР разрешено, но обставлено многочисленными ограничениями, так что обеспеченные северокорейцы, приобретая автомобиль, все равно предпочитают регистрировать его на ту или иную государственную организацию¹⁵.

Другими признаками экономического роста и имущественного расслоения стало появление в Пхеньяне и ряде иных крупных городов многочисленных столовых и ресторанов, в большинстве своем частных, но ориентирующихся на людей с высокими доходами. В наши дни в дорогом пхеньянском ресторане счет может составлять 20—30 долл. и более на человека — сумма, которая примерно равна среднемесячному доходу северокорейской семьи в провинции. Появились в Пхеньяне и магазины, которые специализируются на торговле модными аксессуарами ведущих западных производителей, так что дамские сумочки от лучших парижских фирм по 500 или 1000 долл. вполне доступны тем жителям северокорейской столицы, у которых есть средства на такую покупку¹⁶.

Наконец, следует отметить и распространение в стране сотовых телефонов. Организацией сотовой связи в КНДР занимается совместное предприятие, в котором в качестве иностранного партнера выступает египетская компания «Ogacom». Операции в Северной Корее эта компания начала в 2009 г., и в настоящее время в стране имеется более 2,5 млн сотовых телефонов¹⁷.

В целом, как указывалось выше, доля частного сектора в ВВП КНДР составляет по разным оценкам от 30% до 50% и продолжает расти.

Фактически то, что произошло в стране после 1990 г., можно назвать частичной приватизацией, причем в отличие от других социалистических стран эти перемены носили в основном стихийный характер, хотя часто происходили при молчаливом одобрении властей. В любом случае считать Северную Корею заповедником сталинизма нельзя. В области идеологии и риторики старые модели советского происхождения, густо смешанные с корейским национализмом, продолжают доминировать, но в экономике от старых образцов отошли уже очень далеко, и отход этот, как стихийный, так и управляемый сверху, продолжается.

Примечания

- 1 Обзор существующих оценок доли частного сектора в ВВП Северной Кореи см.: *Ли Сок-хи и др.* Пукхан кёнъчже чэньчжом пунсок [Анализ спорных вопросов в изучении северокаорейской экономики]. — Сеул: Саноп ёнгувон, 2013. — С. 70—71, 163.
- 2 *Huggard S., Noland M.* Famine in North Korea: Markets, Aid and Reform. — New York: Columbia Univ. Press, 2007.
- 3 База данных Банка Кореи (<http://www.ecos.bok.or.kr>).
- 4 Голоду 1996—1999 гг. посвящены многочисленные публикации. Самая подробная из работ на английском языке: *Huggard S., Noland M.* Op. cit.
- 5 Вопрос о масштабах голода и его последствиях (к счастью, пока не слишком политизированный) детально обсуждается в: *Goodkind D., West L., Johnson P.* A Reassessment of Mortality in North Korea, 1993—2008: Paper presented at the annual meeting of the Population Association of America. — Washington D.C., Mar. 31—Apr. 2, 2011.
- 6 Подробное описание северокаорейской карточной системы см.: *Но Ёнь-хван, Ён Ха-чхонъ.* Пукхан-ый чумин сэнъхваль почжанъ чонъчхэк пхёнъга [Оценка системы социального обеспечения в Северной Кореи]. — Сеул: Хангук погон сахве ёнгувон, 1997. — С. 47—62.
- 7 Роль женщин в неофициальной каорейской экономике в последнее время привлекла немало внимания. См., например: *Пак Ёнь-э.* 1990 нёнда пукхан-ый кёнъчженан иху ёсонъ ёкхаль-ква ыйсик пёнхва [Изменения в сознании женщин после северокаорейского экономического кризиса 1990-х] // Тхонъиль чонляк. — 2010. — № 2.
- 8 О частном земледелии в северных уездах страны см.: *Lankov A., Kim Seok Hyang, Kwak Inok.* Relying on One's Strength: The Growth of the Private Agriculture in Borderland Areas of North Korea // *Comparative Korean Studies.* — 2010. — 19 (1). — P. 325—355.
- 9 Обзор ситуации с северокаорейскими беженцами в Китае в 1995—2005 гг.: *Ким Су-ам.* Хэве чхерю тхальбукчжа мунчже чэньчжом-ква квачже [Задача и спорные проблемы в вопросе о северокаорейских беженцах, находящихся за границей]. — Сеул: Тхонъильбу, 2006.
- 10 Обзор мелкого и среднего частного бизнеса в КНДР, см.: *Чонъ Ын-и.* Пукхан-ый часэньчжок сичжан пальчжон ёнгу [Исследование развития стихийного северокаорейского рынка] // Тхонъиль мунчже ёнгу. — 2009. — № 2.
- 11 Подробное описание системы разрешений на поездку см.: *Ким Сынъ-чхоль.* Пукхан тонъпхо-ый сэнъхваль яньсик-ква мачжимак хыйманъ [Образ жизни северокаорейцев и из последняя надежда]. — Сеул: Чарёвон, 2000. — С. 185—197.

- 12 *Пак Хёнъ-чжунъ*. Пукхан-есо 1990 нёндэ иху чонъгвон кигван-ый санъопчжок хвальтонъ-ква сичжан хвакдэ [Коммерческая деятельность правительственных учреждений после 1990-х годов и рост рынка в Северной Корее] // Тхонъиль чончхэк ёнгу. — 2011. — № 1.
- 13 О деятельности частных внешнеторговых фирм в КНДР см.: *Чонъ Ын-и*. Пукхан муёк хвеса-е тэхан ёнгу: Пукчунъ куккёнъ тоси Сиыйчжу-рыль чунъсим-ыро [Исследование северокорейских внешнеторговых фирм на примере города Синийджу на китайско-северокорейской границе]. — Сеул: Тхонъильбу, 2012.
- 14 *Чонъ Ын-и*. Пукхан чутхэк сичжанъ-е кванхан ёнгу: Хамгёнъ пукто Мусан чийк-ый сарйе-рыль чунъсимы-ыро [Исследование рынка недвижимости в Северной Корее на примере города Мусан провинции Сев. Хамгён] // Пукхан кёнъчже рибю. — 2012. — № 2.
- 15 Хороший обзор экономического роста в КНДР см.: *Fifield A.* North Korea's growing economy — and America's misconceptions about it // Washington Post. — 2015. — 13 Mar.
- 16 О росте уровня жизни в КНДР см.: *Ким Сок-хянъ*. 1990 нёндэ иху пукхан чумин-ый соби сэнхъваль-е натъанын чхусе ёнгу [Исследование тенденций и стиле потребления северокорейского населения после 1990-х годов] // Пукхан ёнгу хакхве по. — 2011. — № 1.
- 17 Market research International Report, North Korea — Telecoms Market Overview and Statistics // <http://www.marketresearchint.com/fixed-line-telecommunications-market-research-reports/north-korea-telecoms-market-overview-and-statistics.html>.

Московский Центр Карнеги

Основанный Фондом Карнеги за Международный Мир **Московский Центр Карнеги** начал работу в 1994 г. Эта исследовательская организация объединяет ведущих российских экспертов с их международными коллегами и сотрудниками других центров Карнеги для изучения коренных проблем российской внутренней политики, экономики и международных отношений и является своего рода форумом свободной дискуссии по ключевым аспектам современной общественной жизни.

Фонд Карнеги за Международный Мир — негосударственная, некоммерческая организация, основными задачами которой является содействовать развитию сотрудничества между странами и улучшению международных отношений. Основанный в 1910 г. Фонд занимается аналитической деятельностью, нацеленной на достижение практических результатов.

Являющийся первой глобальной научно-исследовательской организацией Фонд Карнеги имеет отделения в Китае, на Ближнем Востоке, в России, Европе и Соединенных Штатах Америки. Среди пяти городов, где находятся отделения Фонда, — два ведущих центра мировой политики и три столицы, политическое развитие и международная политика которых в наибольшей степени будут определять возможность обеспечения международного мира и экономического развития на ближайшее будущее.

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КАРНЕГИ

**ВОЗРОЖДЕНИЕ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ
В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ**

Андрей Ланьков

Редактор А. Иоффе
Дизайнер русскоязычной версии Я. Красновский
Компьютерная верстка Ю. Мосягин
Автор фотографии на обложке LEE JAE-WON

Подписано к печати 11.08.2015
Формат 60x90 1/8.
Гарнитура Garamond Premier Pro.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 3
Тираж 300 экз.

Издатель: ИП Пахомова Елена Алексеевна
Россия, 125040, Москва,
Ленинградский проспект, 11-28
classick21@gmail.com

Московский Центр Карнеги
Россия, 125009, Москва,
Тверская ул., д. 16/2
Тел.: + 7 495 935 8904
Факс: + 7 495 935 8906
Email: info@Carnegie.ru
www.Carnegie.ru

Отпечатано в типографии «Самполиграфист»
129090, Москва, Протопоповский переулок, д. 6

БЕЙРУТ БРЮССЕЛЬ ВАШИНГТОН МОСКВА ПЕКИН

ГЛОБАЛЬНАЯ
ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

 МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Carnegie.ru